

В пылу момента. Истории пожарного о непростом выборе между молниеносными и взвешенными решениями

Автор:

[Сабрина Коэн-Хаттон](#)

В пылу момента. Истории пожарного о непростом выборе между молниеносными и взвешенными решениями

Сабрина Коэн-Хаттон

Люди редких профессий. Невыдуманные истории о своей работе

Как чувствует себя человек, по долгу службы обязанный принимать не лучшее решение, а лишь наименее плохое? Пожарным приходится сталкиваться с такими ситуациями регулярно: в здании остался ребенок, но оно вот-вот разрушится и может похоронить под собой спасателей. Чью жизнь спасти? Автор Сабрина Коэн-Хаттон стала пожарным всего в 18 лет. Продвигаясь по карьерной лестнице, она лично испытала на себе давление при принятии решений и задалась вопросом: а есть ли возможность помочь руководителям пожаров в решении подобных нелегких задач? Для этого она получила дополнительное психологическое образование и провела грандиозное исследование, изучив поведение пожарных прямо на поле боя. Конечно, даже просто войти в горящее здание – навстречу потоку выбегающих оттуда людей – безумно сложно. Но благодаря живым, максимально реалистичным описаниям автора вы сможете прочувствовать, что значит держать в своих руках жизни не только обычных людей, но и самих спасателей.

Сабрина Коэн-Хаттон

В пылу момента. Истории пожарного о непростом выборе между молниеносными и взвешенными решениями

Габриэлле, маленькой и пылкой

Я буду растить тебя так, будто ты дышишь огнем.

Никогда не сдавайся

Майку

За твое бесконечное терпение и неиссякаемые чашки чая

Я люблю вас обоих. Всегда буду любить

Sabrina Cohen-Hatton

The Heat of the Moment:

Life and Death Decision-Making from a Firefighter

© Sabrina Cohen-Hatton, 2019

©? Ляшенко О.А., перевод на русский язык, 2019

©? Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От автора

В этой книге я веду повествование в основном от лица руководителя тушения пожара. Однако тушением крупных и сложных пожаров никогда не руководят в одиночку. Этим занимается целая группа людей – они берут на себя ответственность за определенные решения, принимаемые при том или ином пожаре. Одни работают в штабе или возглавляют какой-либо из боевых участков тушения пожара, другие – в тылу или на посту безопасности звеньев ГДЗС[1 - Газодымозащитная служба. – Прим. науч. ред.]. Роли заранее не определены: они, как и исполняющие их люди, меняются при каждом пожаре. В конце книги содержится дополнительный материал о структуре пожарной охраны, обязанностях боевого расчета и экипировке. Пожалуйста, заглядывайте туда, если возникнут сомнения.

Предисловие

Густой черный дым, пробиваясь сквозь щели в черепице, валит с крыши дома по другую сторону дороги. Желто-оранжевые языки пламени лижут одну половину здания, в то время как из окна другой половины высовывается мужчина, который машет руками и кричит.

Вы знаете, что делать и куда звонить. Уверены, что вам помогут. Вы верите, что, когда это потребуется вашим друзьям, родственникам или вам самим, кто-то обязательно придет на помощь.

Необходимо преодолеть инстинкт самосохранения, чтобы войти в здание, из которого люди выбегают, и это не каждому под силу.

Мой отец всегда говорил, что нужно иметь особый склад ума, чтобы вбегать в здание, из которого все остальные выбегают. Я работаю пожарным – а с недавнего времени руководителем тушения пожара[2 - Начальник дежурной смены по тушению пожара. – Прим. науч. ред.] – почти 20 лет и знаю, что он был прав. Пожарные достаточно храбры, чтобы противостоять огню и терпеть густой темный дым. Мы бросаем вызов природному инстинкту и верим, что выход найдется. Мы сострадательны. Мы ненавидим смотреть на мучения людей и наблюдать, как смерть забирает некоторых из них слишком рано. Мы мчимся

сквозь огонь, чтобы предотвратить это и спасти жизнь человеку, которого никогда раньше не видели. Мы преданы делу. Хотя у всех нас иногда возникает желание уйти, мы остаемся. Поскольку тушение пожаров составляет огромную часть нашей самоидентичности, иногда мы не можем отделить себя-людей от себя-пожарных.

За каждым спасением стоит пожарный, за каждым спасателем – команда профессионалов, которая принимает судьбоносные решения и старается защитить пострадавших. Внутри караула я, как начальник, удостоена чести руководить тушением пожаров и следить за тем, чтобы люди находились в нужное время в нужном месте ради спасения жизней.

Мы любим свою работу. Она вдохновляет и стимулирует становиться лучше, крепче и упорнее. Мы проводим жизнь на местах страшных трагедий, и кажется невероятным везением, что люди доверяют нам в самые мрачные моменты. Каждый день мы стремимся работать как можно лучше. Мы должны работать как можно лучше.

Отношение к пожарным меняется: иногда люди объявляют нас героями, а иногда считают, что мы не оправдали их ожиданий. И все же на протяжении большей части моей карьеры пожарных очень ценили. Вам стоит лишь позвонить на короткий номер, и мы, подобно супергероям, появляемся там, где в нас нуждаются.

Умение работать сплоченно и сообща определяет то, как пожарные справятся с тушением огня. По отдельности люди на такую работу физически не способны.

Разумеется, пожарные – это обычные люди. Инстинкты побуждают нас работать в самых тяжелых условиях, однако и у нас есть предел. У нас те же страхи и недостатки, как и у всех, кого мы спасаем, просто мы полагаемся на свои умения, уверенность в собственных силах и долю удачи. Иногда мы переходим границы и расплачиваемся за это. Мы обычные люди, которые работают вместе, чтобы делать необычные вещи.

Возможно, именно миф о супергероях повлиял на формирование представления о типичном пожарном. Думая о пожарных, вы представляете себе

привлекательных высоких мужчин с темными волосами и задумчивыми глазами? Вы не одиноки. Вопреки распространенному мнению, в пожарных частях Великобритании работают вовсе не модели. Хотя, каким бы ни был образ пожарного у вас в голове, вы вряд ли представляете кого-то вроде меня.

Мой рост 156 см, а вес 50 кг. У меня длинные темные волосы, и мне нравится делать маникюр. Я мама. Защитила кандидатскую диссертацию по нейробиологии. Люблю учиться. Я стала пожарным в 18 лет и с тех пор шла вверх по карьерной лестнице, хоть и не соответствую представлениям большинства людей о пожарных. Сейчас я заместитель помощника комиссара[3 - В России это заместитель начальника службы пожаротушения «СПТ»: fireman.club/statyi-polzovateley/sluzhba-pozharotusheniya-poryadok-sozdaniya-funktsii-i-sostav (https://fireman.club/statyi-polzovateley/sluzhba-pozharotusheniya-poryadok-sozdaniya-funktsii-i-sostav/). - Прим. ред.] в одной из крупнейших пожарно-спасательных служб Великобритании.

Я бы хотела, чтобы в пожарно-спасательных службах было больше женщин, потому что пока я считаю себя некой аномалией[4 - В настоящее время среди пожарных по имени Крис больше мужчин, чем женщин. Среди всех пожарных Великобритании женщин всего 5 %, но эта цифра растет. Когда я только начала работать, женщин было еще меньше – лишь 1 %]. В результате бо́льшая часть моей карьеры была направлена на борьбу со стереотипами. Я потеряла счет добродушным, но невежественным людям, которые удивленно выпучивают глаза, когда я говорю им, кем работаю. Раньше меня раздражала и злила такая реакция. Однако в некотором смысле свобода быть другой – по-настоящему другой – невероятно вдохновляет. Мне повезло иметь возможность самой определить свои границы.

В начале карьеры меня направили на тушение пожара, который оказался судьбоносным. Я ехала в кабине боевого расчета пожарного автомобиля и была вполне уверена, что мой любимый человек сильно пострадал в огне. Это была самая страшная дорога в моей жизни, и она помогла мне осознать, что мы связаны с судьбами реальных людей и настоящими трагедиями. Пожарный получил тяжелые травмы, и, хотя я была рада, что это не мой жених, меня переполняло чувство вины.

Тушение пожара, например, в XIX и в XX веках различается кардинально, и дело не только в наличии специальной техники, а в новых тактиках и подходах к этой

работе.

Ситуация была неправильно истолкована, что привело к серьезной травме одного из наших пожарных. Как я позднее узнала, он был не единственным, кто пострадал во время работы. В действительности тысячи пожарных получают травмы каждый год, и в большинстве случаев – в результате человеческой ошибки. Эти люди – одни из моих лучших друзей, и, хотя они не всегда ошибаются по собственной вине, такие промахи могут стоить им жизни. Я стала задаваться вопросами о коллегах, службе и самой себе. Мне хотелось понять, как сделать так, чтобы пожарные максимально эффективно спасали жизнь другим людям, но при этом не рисковали своей.

Я была решительно настроена изменить ситуацию и поняла, что лучший способ сократить число ошибок – изучить человеческую реакцию в экстренных ситуациях. Поэтому после нескольких лет работы пожарным я стала изучать психологию. Я исследовала человеческие инстинкты, склонности и работу мозга в состоянии стресса. Защитив кандидатскую диссертацию по психологии (а именно по поведенческой нейробиологии), я начала применять эти знания на практике в пожарно-спасательной службе и Кардиффском университете[5 - Кардиффский университет (англ. Cardiff University) – государственный университет, основанный в 1883 году. Находится в г. Кардифф (Уэльс, Великобритания). Университет состоит из трех колледжей: а) искусства, гуманитарных и социальных наук; б) биомедицинских и биологических наук; в) физических наук и техники. – Прим. ред.]. Я хотела стать лучше как пожарный: научиться принимать рациональные решения, быть хорошим лидером и следить за техникой безопасности. А еще мне хотелось, чтобы этому научились и мои коллеги.

За последние несколько лет моя работа изменила наши действия на пожарах и, самое важное, подготовку пожарных. Я рассказывала о своих открытиях пожарным всего мира, а теперь рада поделиться с вами. Эти уроки помогли нам, работникам пожарно-спасательной службы, однако они применимы не только к экстренным ситуациям, но и к повседневной жизни. Доверяете ли вы своей интуиции? Как принять решение, если ни один из возможных исходов не устраивает? Как работать в команде так, чтобы совместно принимать оптимальные решения?

Эта книга разделена на десять глав. Каждая из них раскрывает отдельный элемент принятия решений и, надеюсь, позволяет заглянуть в мой мир, полный сцен разрушения, триумфов храбрости и спокойных моментов, когда так называемые герои и героини сомневаются в себе.

Маска скрывает настоящее лицо пожарного, создавая иллюзию того, что он непобедимый супергерой, и обычным людям редко удастся его увидеть.

В этой книге я буду ссылаться на множество инцидентов из реальной жизни и некоторые пожарно-тактические учения. Какие-то из них широко известны публике, но я также веду речь о пожарах, которые многое значат лично для меня, но неизвестны для большинства людей. В некоторых главах я полностью изменила имена людей (пожарных, сотрудников других экстренных служб и пострадавших), их внешность и роли, а также местоположение пожара. Где-то я намеренно не стала упоминать узнаваемые детали (например, конкретную модель машины или отличительные характеристики человека). В нескольких случаях я смешала свои впечатления от чрезвычайных ситуаций (ЧС) или учений и представила их как одно целое. Пару раз я выдала реальные ЧС за учения и наоборот.

Эти изменения необходимы, чтобы сохранить конфиденциальность, особенно при описании инцидентов с жертвами. К тому же эта книга не о конкретных пожарах, а о том, что значит быть человеком перед лицом катастрофы. В ней рассмотрены работа мозга, образ мыслей, последствия травмы. Пожары просто иллюстрируют истории людей.

Я надеюсь, что эта книга покажет вам человеческое лицо борьбы с огнем, а не только супергеройский фасад. Я надеюсь, что она изменит ваше представление о внешнем облике пожарного и заставит вас задуматься о необходимых пожарным навыках и образе мышления. А еще надеюсь, что вы представите себя на нашем месте. Если вам придется принимать решение в пылу момента, как вы поступите?

Поменяться местами

Эмпатия – это попытка расслышать в себе эхо другого человека.

Мохсин Хамид

Все пожарные помнят ЧС, во время которой чуть не пострадали сами, отчаянно пытаюсь защитить кого-то. Хотя мы никогда не можем быть полностью уверены в том, что найдем выход, мы часто готовы рискнуть собственной безопасностью, если предполагаем, что выход существует. Мы спасатели. Иногда только мы стоим между смертью и завтрашним днем.

Для меня такой ЧС стал пожар в окрестностях Кардиффа, который случился 15 лет назад. Я работала в пожарно-спасательной службе четвертый год. Это событие настолько ярко запечатлелось в памяти, что, вспоминая его, я ощущаю привкус копоти.

Я резко просыпаюсь от рева сирены и зажегшегося света в общей спальне. Сажусь и смотрю на настенные часы – 01:52. Руки покрываются мурашками, когда я отбрасываю одеяло и начинаю натягивать штаны. Стоит теплая летняя ночь, но из-за системы кондиционирования воздуха в спальне жутко холодно. Спальня предназначена для пожарных обоих полов, между койками стоят ширмы. Большинство дежурных выехало на другой вызов. Оставшиеся четверо пожарных, включая меня, бегут к спусковому столбу. В воздухе витают волнение и ожидание. Я миниатюрная, поэтому проскальзываю в начало очереди и съезжаю по столбу первая.

– Чего вы там копаетесь, дедули? – кричу я.

Этой ночью со мной дежурят 12 пожарных, и они все для меня как братья. Я звучно распахиваю дверь и отрываю распечатку телетайпа[6 - Электромеханическая печатная машинка для передачи сообщений между абонентами, печатает принимаемые сообщения. – Прим. ред.].

– Пожар в доме! – кричу я. – Там могут быть люди!

Атмосфера накаляется. Мы знаем, что кому-то требуется помощь. Передаю распечатку Берту, начальнику караула. Он бывалый пожарный, которого я считаю одним из главных своих вдохновителей. Даже теперь при виде пожара думаю: «А как бы Берт поступил?»

Он изучает детали. «Все в автомобиль! – командует он. – Быстро!»

Внешне пожарным необходимо соблюдать спокойствие, но чрезвычайная ситуация просто не может оставить равнодушным.

Всего через несколько секунд все занимают свои места. Двигатель ревет, заполняя воздух вокруг едкими выхлопными газами. Двери пожарного автомобиля с шумом захлопываются друг за другом, и мы выезжаем из части. Воют сирены, машины останавливаются, пропуская нас сначала на шоссе, а затем на перекрестке. Нас с Джеком определяют в одно звено разведки, снаряженное дыхательными аппаратами. Нам предстоит первыми войти в здание и искать там людей. Мы отстегиваем ремни безопасности и надеваем дыхательные аппараты[7 - Баллон со сжатым воздухом и маска фиксируются ремнями. Дыхательный аппарат подает пожарному свежий воздух, чтобы он мог дышать среди огня. Больше информации – в примечаниях в конце книги.]. Откровенно говоря, до полной остановки автомобиля мы не должны этого делать, но не хочется терять ни секунды – иногда они играют решающую роль в вопросах жизни и смерти. Я отвожу руку назад и открываю вентиль баллона на своем дыхательном аппарате. Шипение воздуха, поступающего в шланг высокого давления, говорит о том, что он готов к использованию. Он необходим, чтобы выжить.

Я смотрю на Джека.

– Готов? – спрашиваю я, слегка подтягивая лямки.

– Ага, – отвечает он. – Все отлично.

– Не ешь слишком много воздуха, здоровяк! – шучу я. – Не хочу, чтобы ты задерживал меня сменой своего баллона, пока мой еще на три четверти полон.

– Не заставляй меня делать всю работу, тогда и ждать не придется, – говорит он, широко улыбаясь и подмигивая.

– А я как раз собиралась так поступить, – отвечаю я.

Пит, опытный пожарный нашего караула, ведет автомобиль. Быстро. Я слегка опускаю стекло: иногда запах пожара ощущаешь еще до того, как заметишь огонь. Я выглядываю и пытаюсь увидеть в ночи зарево. Мое сердце бьется чуть быстрее, чем хотелось бы. Возможно, внешне мы все кажемся спокойными, но в душе волнуемся и хотим как можно быстрее помочь людям. Я знаю, что физически будет тяжело, как это всегда бывает при тушении серьезных пожаров, однако волнение подпитывает.

Берт оглядывается.

– Итак, – говорит он, – внутри могут находиться люди, поэтому я хочу, чтобы вы провели разведку в здании, как только мы подъедем. Второй пожарный расчет уже в пути, но какое-то время мы будем там одни. Пит начнет работать на насосе и отвечать за снаряжение, поэтому удостоверьтесь, что ваши рации настроены на один канал. И будьте осторожны! Я уже был на этой улице, тут полно наркотиков. Остерегайтесь шприцев. И если вы опять найдете что-нибудь странное вроде мачете, пожалуйста, оставьте его на своем месте. Ясно, Сабрина?

– Ясно, босс, – отвечаю я. – Но это был большой мачете.

– Она права, Берт. Это был большой мачете, – добавил Джек.

– Вот там! – говорю я. – Дым справа от меня.

Густые облака вздымаются над крышами. На фоне абсолютно черного неба дым светится грязным оттенком серого, отражая злое пламя внизу. Ряды таунхаусов сверкают, как елочные игрушки. Я думаю о людях, которые спокойно спят в своих постелях, не догадываясь, что происходит. Такие дома часто имеют общее чердачное пространство, из-за чего огонь может распространиться очень легко и быстро. Я нетерпеливо ерзаю на сиденье.

Полиция очень помогает пожарным, убирая подальше зевак. Они могут не только помешать работе спасателей, но и подвергнуть себя ненужной опасности.

Пожарный автомобиль заворачивает за угол и со скрежетом тормозит. Мы все уже были в этом районе. Бедность здесь – норма, а социальные проблемы – повседневная реальность. Уровень преступности высок, а надежды – низок. Он резко контрастирует с недавно обновленными районами города, где полно дизайнерских магазинов и дорогих домов молодых карьеристов. Эти места разделяют всего полтора километра, но пропасть между ними огромна.

Мы останавливаемся в нескольких домах от места пожара – при слишком близкой парковке высок риск повреждения пожарного автомобиля (его части могут оплавиться от температуры), а он жизненно важен для пожарных: без него у нас нет шансов.

Собралась небольшая толпа. Полиция пока не приехала, поэтому нам придется иметь дело не только с огнем, но и с зеваками.

Мы выпрыгиваем из автомобиля. Я мчусь к заднему отсеку и с шумом открываю дверцу, достаю пожарный рукав, поворачиваюсь и пробегаю несколько метров, разматывая и укладывая его плотной гармошкой, чтобы можно было легко протащить через дверь и не застрять.

Мы с Джеком надеваем маски и каски, а затем проверяем друг друга на наличие открытых участков, которые могут быть обожжены огнем. Я натягиваю его рукав поверх перчатки, чтобы прикрыть голую кожу на запястьях. Мы показываем друг другу палец вверх и приступаем. Джек хватает пожарный ствол [8 - Насадка на конце пожарного рукава, формирующая струю воды.], а я тащу рукав.

Мы входим в открытую парадную дверь. Непроглядная тьма и густой дым мешают сориентироваться. Я не отрываю левую руку от стены. Она теплая, но я думаю, что огонь над нами. Джек охлаждает пространство сверху, а я пытаюсь протянуть тяжелый рукав как можно дальше в дом. Затаскиваю достаточно, чтобы дотянуться до самой дальней точки, а затем заносу еще немного. Это большой таунхаус, примерно 5 на 15 метров, поэтому понадобилось около 30 метров рукавной линии.

Мы продвигаемся по коридору. Здесь темно и жарко. Рукой чувствую текстуру старых флоковых обоев. Интересно, кто здесь живет? Возможно, пожилой человек. Если так, его мобильность может быть проблемой. Шаркая ногами, вдруг натыкаюсь на что-то. Поскольку мы рядом с лестницей, это может быть обувь. Я протягиваю правую руку и хватаюсь за что-то цилиндрической формы. Что-то твердое и узкое. Трость? Нет, ручка. Коляска. Вот проклятье, это коляска!

Я понимаю, что нужно торопиться, ведь в доме может быть ребенок. Вероятно, он не в состоянии ползать или звать на помощь. Я кричу об этом Джеку, у него находятся рации – наша единственная связь с внешним миром. Он сообщает Берту, что в доме стоит коляска и где-то здесь может быть ребенок или дети.

– Наверх! – кричу я. – Если здесь есть дети, они на втором этаже.

Мы топаем по каждой ступеньке, прежде чем встать на нее всем весом. Если она не проваливается, значит, прогорела не целиком. Поднимаясь, мы чувствуем, как повышается температура – горячий воздух всегда идет вверх. Мы всё ближе к огню. Оказавшись на втором этаже, я ощущаю, как жар, накапливаясь в груди, мешает дышать. Это похоже на момент, когда вы заходите в сауну и не можете сделать вдох из-за духоты. Однако это ощущение не отступает, к нему невозможно привыкнуть – становится лишь жарче и жарче.

Во время пожара необходимо осматривать каждый сантиметр горящего здания: чрезвычайная ситуация может застать человека где угодно.

Даже через боевку[9 - Специальная, или боевая, защитная одежда пожарных, сокращенно – БОП или боевка. – Прим. науч. ред.] чувствую, как накалились металлические пряжки ремней дыхательного аппарата. Если буду слишком долго оставаться на одном месте, они меня обожгут, а я не могу допустить этого снова. Я не отрываю левую руку от стены. Старая штукатурка крошится, когда я прикасаюсь к ней.

Я оказываюсь у дверного проема и захожу в комнату. Там полно дыма. Я понятия не имею, где нахожусь – в спальне, в ванной? Но это не важно. Во время пожара люди могут оказаться где угодно. Мы с Джеком передвигаемся шаркающими шагами и прощупываем все, пытаюсь с помощью прикосновений представить,

как выглядит дом. Вдруг моя рука оказывается на чем-то твердом и круглом. Это раковина. Я случайно поворачиваю кран, из которого начинает хлестать вода, пропитывая мою перчатку.

- Кран! - говорю я. - Мы в ванной.

- Будь осторожна, - кричит Джек.

При такой высокой температуре вода превращается в пар. Это то же самое, что держать руку над кипящим чайником. Ошпаренная кожа заживает неделями. Даже легкий ожог, полученный на пожаре, осложняет ситуацию, ведь предполагается, что мы должны прекратить работу. Тем не менее никто так не поступает. Мы прикладываем все усилия, чтобы закончить дело. Иногда ожог даже не замечаешь, пока не покинешь горящее здание и уровень адреналина не снизится.

- Надеюсь, здесь нет игл, - произносит Джек. - У меня мурашки по коже, когда Берт говорит такое.

- Знаю, но будь осторожен, когда шаришь руками, - отвечаю я.

Ванная пуста, мы движемся дальше. Огонь в комнате напротив. Мы думаем, что это спальня. Дверь сгорела, и теперь проем охвачен огнем. Он трещит, и помимо шипения дыхательного аппарата я чувствую вибрации. Заглядываю внутрь: оранжевые и красные языки пламени пожирают занавески и карниз. Куски ткани падают на пол. Здесь никто бы не выжил. Джек снова связывается с Бертом и выясняет, когда придет подкрепление. Второй расчет[10 - Или второе звено. - Прим. науч. ред.] едет с другого конца города, поэтому будет на месте нескоро.

- Я задержу огонь, а ты осмотри вторую комнату, - кричит мне Джек.

Горячий воздух всегда поднимается вверх. Иногда даже разница в полметра может сыграть решающую роль, и, лежа на полу, получится спастись.

Огонь еще не вышел в коридор, поэтому в другой комнате могут быть живые люди.

Я сомневаюсь. Откровенно говоря, мы должны держаться вместе. Однако необходимо прекратить распространение огня, поэтому хотя бы один из нас должен лить воду и пытаться сдерживать пламя. Если заниматься этим начнем мы оба, некому будет искать людей, которые, знаю, на нас надеются.

Джек, припав к земле, направляет струю воды в потолок, чтобы охладить горячие газовые массы. У него все под контролем. Я двигаюсь дальше.

Иду по коридору в другую комнату, продумывая каждый шаг. Если Джеку вдруг потребуется моя помощь, я должна оставить путь к отступлению. Я вползаю в комнату на коленях. Стоять не получается из-за нестерпимого жара. Понимая, что времени немного, двигаюсь по периметру и натываюсь на шкаф. Раньше я обнаруживала в шкафах детей, но не сегодня. Он пуст – есть лишь несколько игрушек. Двигаюсь дальше. Капли пота стекают по лицу, падая на обтюратор[11 - Уплотнительная манжета на маске. – Прим. науч. ред.] внутри маски. Джеку еще тяжелее, ведь он гораздо ближе к огню.

Я окликаю его. С ним все в порядке, поэтому я продолжаю поиски.

Осматриваю комнату дальше, не отрывая левой руки от стены или мебели. Пытаюсь представить, где сейчас нахожусь и где уже была. Осязание – единственное чувство, на которое можно положиться. В комнате так темно, что ничего не видно. Все, что я слышу, – это рев огня и шипение сжатого воздуха. Чувствую лишь запах резиновой маски.

Мои руки натываются на что-то твердое, а пряжки звенят, ударившись о металл. Кровать? У этого предмета мебели есть ножки, но он слишком узок, чтобы быть кроватью. Я продолжаю его ощупывать, стараясь составить из очертаний единую картину. Узкие вертикальные прутья. Матрас.

Это детская кроватка. Нужно искать не ребенка, а младенца. Я прощупываю пространство под кроваткой – ничего. Пытаюсь встать, но на уровне головы слишком горячо. Жар начинает обжигать уши даже через защитный капюшон. Ощущение, будто кожу пронзают раскаленные иглы. Я гримасничаю от боли и двигаюсь дальше. Если мне так тяжело даже в защитном снаряжении, невозможно представить, как же страдает ребенок.

Я резко встаю и прощупываю кроватку изнутри. Выдерживаю несколько секунд и снова падаю на колени, чтобы отдохнуть от жара. В кроватке никого нет, но ребенок просто должен быть где-то поблизости.

Я снова поднимаюсь и еще раз хорошенько исследую кроватку. Коляска, кроватка, игрушки – ребенок должен быть здесь! Но его нет. В такие моменты начинаешь сомневаться в рациональности собственных поступков. Это то же самое, что потерять ключи и постоянно возвращаться на то место, где вы ожидаете их увидеть, хотя уже десять раз все там проверили.

Интуиция не берется из ниоткуда. Опыт всегда откладывается в подсознании, и порой мозг выдает готовые решения или выводы, к которым пришел в «фоновом режиме».

Больше здесь прощупывать нечего. Малыш, вероятно, вылез из кроватки.

Или мог спать с родителями в их постели.

Я перемещаюсь в другую комнату.

Что-то не так, но не могу точно сказать, в чем дело. Это мне подсказывает интуиция, а она часто основана на опыте, запечатленном в подсознании. Кожа горит, глаза расширяются, а чувства обостряются, пока я пытаюсь понять, что именно заставляет меня так беспокоиться. Я слышу какой-то шум: приглушенный горловой звук. Подхожу к высоким шкафам, открываю дверцы и копаюсь среди одежды. Там полно вещей, и мне сложно нащупать человека. Никого. Двигаюсь дальше. Я все еще слышу этот звук.

– Саб, ты должна поторопиться! – кричит мне Джек. – Становится слишком жарко.

– Я еще не закончила, – отвечаю я.

– У нас мало времени.

Звук не затихает. Я нахожу постель и прощупываю место под ней ногой, полагая, что там может кто-то прятаться, но ничего не чувствую. Поднимаю одеяло и подушки – под ними никого. Но этот звук... Я ни на чем больше не могу сосредоточиться.

– Саб, достаточно. Нужно уходить.

– Еще пару секунд, Джек. Что-то не так.

Я прощупываю пространство между стеной и кроватью, куда не получилось дотянуться ногой. Понимаю, что там тоже нужно все обыскать. Звук становится громче. Я отодвигаю кровать от стены – она тяжелая и тащит за собой ковер. Заползаю на матрас и пытаюсь прощупать с другой стороны.

Я что-то нашла. Нет, не что-то, а кого-то. Взрослого. Он, должно быть, сидел между каркасом кровати и стеной.

– Джек, я кого-то нашла! – кричу я.

Я тащу его через дверной проем и пока не могу сказать, мужчина это или женщина, но кто-то очень тяжелый. На мне 15 килограммов дыхательного снаряжения и восемь – защитной формы, поэтому остается полагаться лишь на особую технику, чтобы его дотащить. Я просовываю свои руки у него под мышками и сцепляю их в замок в верхней части грудной клетки[12 - Мы больше не взваливаем пострадавших себе на плечи, как это иногда показывают в фильмах. Эта техника устарела. Перемещая человека, мы работаем в команде и стараемся держать его голову ближе к земле, где больше воздуха.].

– Все в порядке, – говорю я. – Вы спасены. Где ребенок?

В ответ человек издает все тот же булькающий горловой звук. Я боюсь, что он задыхается. У нас нет времени. Снова бросаюсь к постели и начинаю торопливо искать ребенка. Этот человек мог держать его, защищая своей рукой, однако я никого не нахожу.

Ко мне подходит Джек, чтобы помочь с пострадавшим.

– Я до сих пор не нашла ребенка, но этого человека нужно вытащить, – говорю я. – У тебя еще остался воздух?

Я хочу продолжить поиски, но боюсь, что пострадавший умирает. Звук, который он издавал, мог быть предсмертным хрипом, вызванным скоплением слюны в горле и указывающим на то, что человек вот-вот умрет. До этого я слышала его всего несколько раз.

– Меньше 70 атмосфер, – отвечает Джек. – А у тебя?

– 120, – говорю я.

70 атмосфер воздуха – это немного. Он уже израсходовал две трети баллона. У меня осталось больше, потому что легкие меньше. Мне всегда хватает воздуха на более долгое время, и я бы предпочла, чтобы у Джека, моего друга и коллеги, запас не заканчивался слишком быстро. На этой работе мы должны делить нагрузку.

– Я возьмусь за тяжелый конец, – говорю я, – а ты бери ноги.

Мы поднимаем пострадавшего, спускаемся с лестницы как можно быстрее и передаем его ожидающим врачам скорой помощи.

На ярко освещенной улице я щурюсь, пока глаза привыкают, смотрю вниз. Пострадавший – мужчина с гривой спутанных каштановых волос. Он молод – около 30. В ужасе понимаю, что горловой звук, отвлекший меня от поисков ребенка, – это храп. Срываю с себя маску.

– Сэр, – кричу я ему. – Где ребенок?

Тишина. Я в ярости.

– Сэр!

Врач скорой помощи смотрит на меня.

– Мы только что достали из его кармана пустой пузырек из-под метадона[13 - Метадон – синтетический лекарственный препарат из группы опиоидов, применяемый как анальгетик, а также при лечении наркотической зависимости. – Прим. ред.], – говорит она. – Не надейтесь, что он ответит.

Мы не завершили поиски – нужно осмотреть оставшуюся половину этой комнаты и всю третью спальню. Внизу тоже не искали. Там вполне может находиться ребенок.

Это был мой момент. Момент, когда я была готова пожертвовать чем угодно, даже собственной жизнью, чтобы спасти ребенка.

Я знаю, что не могу гарантировать спасение, но могу обещать сделать все ради этого. Входя в огонь, я произношу клятву. В тот день я не сдержала слово. Стоя на улице под ярким светом фонарей, я чувствовала, что не справилась с работой.

Пожарным никогда нельзя полагаться на эмоции: они часто заглушают истинные чувства, и ты можешь не заметить, что уже не в состоянии вновь войти в горящее здание, если будешь бояться за оставшихся там людей.

Я злилась на мужчину из-за того, что он спокойно проспал весь пожар, который мог убить его ребенка. Одновременно злилась и сочувствовала ему всей душой. Что он подумает, когда узнает, что мы спасли его, но не его ребенка? Что почувствует, осознав, что никогда уже не подержит на руках своего малыша? Что никогда больше не почитает ему и не споет, не услышит его смех? Не увидит, как он вырастет, пойдет в школу? Не станет гостем на его свадьбе? Ничего этого не будет. Вне зависимости от того, как его наркотическое опьянение повлияло на ход развития событий, я чувствовала себя единственной виноватой. Мной руководили эмоции, а не здравый смысл.

Большинство родителей пожертвовали бы жизнью, чтобы спасти своего ребенка. В тот момент я бы тоже пожертвовала своей.

– Возьми новый кислородный баллон, – кричу я Джеку. – Мы должны вернуться. Мы не закончили.

К нам подбегает Берт:

- Второй расчет здесь. Оставайтесь на месте, я запускаю их.

- Но мы в порядке, Берт. Мы должны пойти.

Я точно знаю, куда идти и что делать. Расположение комнат прекрасно запечатлелось в моей памяти.

- Вы никуда не идете, - говорит Берт решительно. - Вы расскажете второму расчету все, что знаете, а затем попьете воды, замените кислородные баллоны, перепроверите дыхательные аппараты и отдохнете несколько минут. Возможно, вы скоро понадобится, и мне нужно, чтобы вы были готовы.

Берт прав. Я сажусь рядом с Джеком.

- Прекрати, - говорит он мне.

- В смысле? - хмурюсь я.

- Прекрати делать то, что делаешь сейчас. Не нужно корить себя. Мы нашли одного. Мы хорошо потрудились.

- Джек, там коляска, кроватка, игрушки. Это дом, где живет ребенок. Этот мужчина не в себе. Мы даже не знаем, его ли это дом. Но я точно знаю, что в середине ночи люди спят в своих постелях, а мы не нашли ребенка, который должен был лежать у себя в кроватке.

- Знаю, дружище, знаю.

Я делаю глоток воды и готовлюсь вернуться. Мы стоим у входа и нетерпеливо ждем новостей.

К нам подходит Берт.

- Все спасены, - говорит он.

Я застываю на месте.

– А ребенок? – спрашиваю я.

– Матери и ребенка в доме не было. После ссоры с мужем она осталась у родителей. Мы переключились с поисков и спасения на борьбу с огнем.

Я смотрю на небо и выдыхаю. Мои напряженные плечи опускаются, и я расслабляюсь, сдерживаю слезы и звучно глотаю. Сложно объяснить, насколько мне легче. Ребенка, которого я так отчаянно искала, в доме не было... Внутри дома невозможно находиться. Даже мне в защитном костюме тяжело. Ребенок не выжил бы.

Я потеряла счет незнакомцам, чью боль воспринимала как собственную. Жена, потерявшая мужа в автомобильной аварии. Ребенок, чей родитель погиб в пожаре. Братья и сестры, навсегда разделенные несчастным случаем, унесшим жизнь одного из них. Это длинный список. Все эти люди проснулись однажды утром, ожидая очередного обычного дня, однако их мир необратимо изменился.

Находя человека в горящем здании, не всегда сразу определяешь, жив ли он. Бывает, только положив руку ему на грудь, понимаешь, что от ребер остались одни угли.

Боль, которую я испытываю, называется эмпатией. Именно она заставляет меня проходить дальше и стараться больше. Я испытываю эмпатию не только к тем, кто на нас полагается, но и к тем, кто командует нами и кем теперь командую я. Мало осознавать лишь последствия того, что я прошу своих коллег сделать. Важно понимать, что они при этом чувствуют.

В физическом плане в том числе. Я понимаю, что значит войти в горящее здание в экипировке весом 23 килограмма и работать не покладая рук. Я знаю вкус пота под маской. Знаю, что чувствуешь, когда кусок каски плавится прямо над головой. И еще понимаю, что значит работа пожарного в эмоциональном плане. Я знаю, что значит ползти на животе к человеку на другом конце горячей комнаты, положить руку на его грудную клетку и понять, что от ребер остались одни угли. Знаю, что значит смотреть в глаза членам семьи, когда выходишь из

пожара с пустыми руками. Знаю, как выглядит лицо, на котором угасла надежда. Я знаю, что значит двигаться дальше, когда хочется остановиться.

В полной мере я осознала, что такое эмпатия, после одного пожара, на котором мне довелось присутствовать. Этот инцидент позднее лег в основу одного из важнейших для пожарно-спасательной службы психологических исследований и побудил к дальнейшему изучению психологии командования в чрезвычайных ситуациях.

Нашу команду вызвали на пожар, в котором один из нас получил серьезные ожоги. На месте присутствовал только один пожарный автомобиль, и я знала, что Майк, впоследствии ставший моим мужем, работал в том расчете. Вероятность того, что обожженный – он, была один к четырем.

Помню, как я услышала сирену и помчалась в пожарное депо. Несколько пожарных уже стояли у телетайпа и внимательно читали распечатку.

– Что там у нас? – спросила я.

Никто не ответил. Я посмотрела на Билла, начальника пожарного расчета.

– Пострадал пожарный, – в итоге ответил он. – Кого-то обожгло. Похоже, сильно.

Я натянула сапоги и накинула подтяжки от брюк на плечи. Затем потянулась за курткой, и, когда просовывала руку в рукав, Билл продолжил:

– Это bravo-два-ноль, Саб. Пострадавший в расчете Майка.

Пожарный не имеет права поддаваться эмоциям: холодный расчет и отрешенность – вот что нужно для спасения жизней.

Я замерла, так и не надев куртку. Я слышала его слова, но ощутила полную отрешенность от момента. Это было похоже на сцену в фильме, где главный герой стоит в центре кадра, а камера движется по периметру комнаты. Я затаила дыхание. Казалось, будто кто-то нанес мне сильнейший апперкот в

ЖИВОТ.

Неужели теперь я оказалась на месте тех людей, которые просыпаются в ожидании кукурузных хлопьев и абсолютно обычного дня, а потом узнают, что их мир рухнул и навсегда изменился в одночасье?

– Ясно, – сказала я тихо. – Поехали скорее.

Я повернулась, схватила все необходимое и выбежала из дверей.

Мое сердце неистово билось. Внешне я старалась сохранять спокойствие, но внутри все горело. И это был худший огонь: тот, что все превращает в пепел.

В тот день на дежурстве нас было пятеро. Я сидела посередине кабины боевого расчета пожарного автомобиля и могла думать лишь о Майке. Это он? Он обожжен? Жив? Ему больно? Страшно? В то же время я пыталась сфокусироваться на том, что делать дальше. Если бы я мыслила здраво, то задавала бы вопросы о пожаре, рассматривала медицинскую укладку и размышляла, что из нее может понадобиться.

Для меня это были самые долгие 4 минуты 37 секунд в жизни. Именно столько мы ехали до места пожара. Все это время я испытывала смесь тошноты и оцепенения.

Когда мы подъехали, я вытянула шею, пытаюсь увидеть в окно хоть что-то, что подтвердило бы или развеяло мои наихудшие опасения. Но голова Билла загоразживала обзор. Билл сказал мне не смотреть в окно и оставаться в автомобиле. Я кивнула, но, как только он направился к выходу, незамедлительно последовала за ним. Я потянулась к медукладке и заставила себя взять ее.

Я подошла к толпе, собравшейся вокруг обожженного пожарного. Сквозь толпу увидела ноги в сапогах и старом синем защитном комбинезоне, с налипшими на него кусками грязи. Этот человек лежал на земле. Послышался стон.

– Принесите медицинскую укладку! – прокричал кто-то. Мир вдруг снова стал четким. Нужно было выполнять свою работу, ведь другие надеялись на меня. Я не могла все бросить, став для остальных обузой. Я собрала все силы, чтобы

оставаться сосредоточенной на работе.

– Она у меня! – крикнула я в ответ.

Приготовившись пробираться через толпу, я увидела, как Майк выпрямился. С ним все в порядке. Все вокруг закружилось. Сердце затрепетало, а ноги стали ватными. Я больно закусила губу, чтобы сдержать слезы.

Майк заметил мое облегчение. Он дал это понять простым понимающим взглядом, после чего мы приступили к работе. Все еще испытывая головокружение, я открыла медицинскую укладку и достала противоожоговые повязки, отчаянно пытаюсь утихомирить трясущиеся руки.

– Физраствор! – сказала я. – Мне нужно больше.

Майк подал мне несколько саше, и я смочила маски. Я посмотрела на человека, лежавшего передо мной. Это был Стив. На его лице, шее и руках были красные ожоги. Черная копоть покрывала кожу и светлые волосы. Крови не было, только блестящая плазма там, где кожа сгорела.

Расчет Майка выехал на вызов по поводу «взрывающегося тротуара». Это было похоже на розыгрыш. Они приехали на место, не ожидая ничего особенного, и увидели ничем не примечательный люк. Сняли крышку и обнажили такую же непримечательную электромонтажную коробку.

Я металась между ролями спасателя и любящего человека и потому испытывала сильнейшее чувство вины, которого могла бы избежать.

Майк и пожарный по имени Джон лежали на животах, опустив головы в яму, и пытались понять, почему это был «взрывающийся тротуар». Они были уверены, что вызов ложный, поскольку бетон не склонен взрываться. Чуть позднее, когда Майк и Стив стояли над ямой и ждали прибытия электриков, электромонтажная коробка взорвалась, и из нее вылетела шаровая молния. Майк отклонился назад и чудом избежал огня, однако Стиву не так повезло. Произошла электрическая неисправность, а пожарные неверно истолковали вызов. Поскольку очевидных признаков опасности не было, они не были достаточно осторожны. Если бы

взрыв случился несколькими минутами раньше, Майк и Джон все еще лежали бы на земле. Вероятно, их сразу убило бы.

– Вот так, Стив, – сказала я. – Откинь голову назад. Сначала будет неприятно, но маска очень быстро тебя охладит.

Я положила маску ему на лицо.

– Придерживай ее вот здесь, чтобы она не соскользнула, – скомандовала я.

Меня тут же накрыло сильнейшее чувство вины: я испытала облегчение, узнав, что серьезные ожоги получил другой человек, который был мне не только коллегой, но и другом. Не желая, чтобы пострадал Майк, я хотела, чтобы эту страшную боль испытывал другой коллега, и в итоге она досталась Стиву.

Именно семья Стива получила «тот самый» телефонный звонок. Это они, испугавшись, помчались в больницу. Они прошли через долгие месяцы реабилитации, слез и вспышек гнева. Им пришлось начать жить заново. Мы с Майком этого избежали, но Стиву и его близким не удалось.

Чувство вины преследовало меня долгое время. Я пыталась его рационализировать: чувствовала себя эгоисткой, в то же время понимая, что укоры бесполезны. Самое смешное, что любой из нас с готовностью получил бы ожог, защищая коллег или тех, кого мы удостоены чести спасти. Однако в тот раз я не была спасателем. Меня там даже не было, когда все происходило. Я разрывалась между ролями спасателя и любящего человека.

Чувство вины переплеталось с мыслями «Что, если?..». Что, если бы шаровая молния вылетела несколькими минутами раньше? Что, если бы голова Майка все еще была в яме? Что, если бы произошло самое страшное? Я продолжала прокручивать в голове альтернативные сценарии, в которых теряла Майка, представляла, что приезжаю на место и вижу другую сцену. Каждый раз, когда думала об этом, я испытывала ужас, за которым следовала волна облегчения и сильнейшее чувство вины.

В то время я не сказала об этом Майку. Я призналась в своих чувствах спустя много лет. Оглядываясь назад, понимаю, что следовало открыться раньше, однако мне казалось, что это только мое бремя. Лежа в постели ночами и думая

о произошедшем, я чувствовала себя ужасным человеком. Когда я шла выпить с друзьями, неприятные чувства подкрадывались в самый неожиданный момент и завладевали моими мыслями.

Теперь я понимаю, что первоначальное чувство вины было нормальной реакцией, но то, как оно преследовало меня, не было нормой. Не стоило так долго молчать об этом. Я боялась, что после моего признания люди начнут думать, что я слабая и не справляюсь со своей работой. Мне казалось, циники скажут, что моя слабость вполне объяснима, ведь я женщина. Я не хотела, чтобы на мне поставили клеймо.

Очень сложно откровенно признавать свои слабости, если ты женщина в «сильной» профессии: есть страх, что тебя будут оценивать стереотипно.

Разумеется, я ошибалась, но мне нужно было что-то сделать с чувством вины. Я должна была помешать ему постоянно крутиться у меня в голове и взять его под контроль. Так я решила использовать свой опыт как основу для чего-то хорошего. Я хотела не допустить травмирования пожарных. Я хотела создать мир, в котором ни Майк, ни Стив, ни кто-либо еще не пострадает в нашей рабочей среде. Реальность такова, что эта цель до сих пор целиком не достигнута. Невероятно сложно полностью искоренить травмы в условиях, экстремальных по своей природе, но каждая травма, которой удалось избежать, – это маленькая победа.

Начав изучать этот вопрос, я узнала, что 80 % несчастных случаев на производстве происходят в результате человеческой ошибки. Эта статистика была вполне применима к травмам пожарных. Цифра пугала. Каждый из пострадавших – человек, как Майк или Стив, который кем-то любим. И дело не в неисправном оборудовании, неправильной технологии или плохой политике, а в человеческой ошибке. Все эти многочисленные травмы – результат неправильно принятого решения или неспособности должным образом проанализировать информацию. Я поняла, что уменьшить число травм, полученных пожарными на рабочем месте, можно только путем сокращения числа таких ошибок.

Причиной, по которой мне было так тяжело сосредоточиться, пока мы 4 минуты 37 секунд ехали на место инцидента, был стресс. Из-за него мозг не мог правильно обрабатывать информацию, и это отрицательно сказалось на

способности принимать решения. Все дело в простой биологии. Правда в том, что мои шансы совершить ошибку были повышенными, пока я работала на месте инцидента. Я могла что-то неправильно понять, упустить важную информацию или отреагировать не лучшим образом.

Во мне пробудился интерес к процессу принятия важных решений в экстренных ситуациях. Я хотела изучить обстоятельства, влияющие на то, как мы принимаем решения, от которых напрямую зависит жизнь людей.

После того инцидента мы вместе с Кардиффским университетом создали уникальную исследовательскую группу, наблюдавшую за британскими руководителями тушения пожаров, когда те принимали важнейшие рабочие решения. На основе результатов исследования мы разработали техники, помогающие руководителям эффективнее принимать решения. Эти техники стали стандартом в Великобритании и были переняты некоторыми другими странами. Они могли бы уберечь Стива, а теперь помогают моим коллегам и друзьям. И все это стало результатом моего чувства вины.

Мое исследование посвящено тому, как мы, пожарно-спасательная служба, готовим пожарных принимать решения в неблагоприятных условиях, в которых приходится работать. Я хотела понять, как люди реагируют и ведут себя, чтобы сократить вероятность человеческой ошибки.

За последние десять лет я тщательно изучила, как руководители тушения пожара вроде меня принимают решения в рабочей обстановке. Я хотела понять, что именно влияет на наш выбор. Особенно важно было знать, что мы делаем все возможное, чтобы обезопасить пожарных. Я хочу, чтобы никому больше не пришлось страдать, как Стиву, или сидеть в пожарном автомобиле, опасаясь, что с другом или любимым человеком произошло самое страшное.

Мой опыт – моя эмпатия – побуждает двигаться дальше, продолжать исследования и применять их результаты на практике, чтобы сделать условия труда лучше для тех, кого я с гордостью могу назвать своими коллегами, а иногда и друзьями.

Нерешаемые задачи

Он страдал аналитическим параличом.

Гарольд Генин

Сирены ревут, пока я пытаюсь проехать через городские заторы. Движение настолько плотное, что добраться до места ЧС практически невозможно. Туннель, одно из худших мест для крупного пожара, окружен высокими бетонными стенами. Автомобили экстренных служб, включая мой, пытаются объехать десятки брошенных машин, чьи владельцы были эвакуированы из опасной зоны. Рассерженная, я паркую автомобиль у оцепления и быстро шагаю к месту пожара.

Густой черный дым валит из туннеля, и горящие автомобили, стоящие у въезда, выпускают облака едких газов. Воздух наполнен вонью плавящегося пластика и каким-то сладковатым запахом, который я не узнаю, хоть он и напоминает мне о Ночи фейерверков[14 - Речь идет о ежегодном праздновании в Великобритании в ночь на 5 ноября. Оно также известно как Ночь Гая Фокса или Ночь костров. - Прим. ред.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Газодымозащитная служба. - Прим. науч. ред.

2

Начальник дежурной смены по тушению пожара. – Прим. науч. ред.

3

В России это заместитель начальника службы пожаротушения «СПТ»:
fireman.club/statyi-polzovateley/sluzhba-pozharotusheniya-poryadok-sozdaniya-funktsii-i-sostav (<https://fireman.club/statyi-polzovateley/sluzhba-pozharotusheniya-poryadok-sozdaniya-funktsii-i-sostav/>). – Прим. ред.

4

В настоящее время среди пожарных по имени Крис больше мужчин, чем женщин. Среди всех пожарных Великобритании женщин всего 5 %, но эта цифра растет. Когда я только начала работать, женщин было еще меньше – лишь 1 %.

5

Кардиффский университет (англ. Cardiff University) – государственный университет, основанный в 1883 году. Находится в г. Кардифф (Уэльс, Великобритания). Университет состоит из трех колледжей: а) искусства, гуманитарных и социальных наук; б) биомедицинских и биологических наук; в) физических наук и техники. – Прим. ред.

6

Электромеханическая печатная машинка для передачи сообщений между абонентами, печатает принимаемые сообщения. – Прим. ред.

7

Баллон со сжатым воздухом и маска фиксируются ремнями. Дыхательный аппарат подает пожарному свежий воздух, чтобы он мог дышать среди огня. Больше информации – в примечаниях в конце книги.

8

Насадка на конце пожарного рукава, формирующая струю воды.

9

Специальная, или боевая, защитная одежда пожарных, сокращенно – БОП или боевка. – Прим. науч. ред.

10

Или второе звено. – Прим. науч. ред.

11

Уплотнительная манжета на маске. – Прим. науч. ред.

12

Мы больше не взваливаем пострадавших себе на плечи, как это иногда показывают в фильмах. Эта техника устарела. Перемещая человека, мы работаем в команде и стараемся держать его голову ближе к земле, где больше воздуха.

13

Метадон – синтетический лекарственный препарат из группы опиоидов, применяемый как анальгетик, а также при лечении наркотической зависимости. – Прим. ред.

14

Речь идет о ежегодном праздновании в Великобритании в ночь на 5 ноября. Оно также известно как Ночь Гая Фокса или Ночь костров. – Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.me/koen-hatton_sabrina/v-pylu-momenta-istorii-pozharnogo-o-neprostom-vybore-mezhdu-molnienosnymi-i-vzveshennymi-resheniyami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)